
ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

А.В. Никольская

ЭФФЕКТИВНОСТЬ НЕНАПРАВЛЕННОЙ АНИМАЛОТЕРАПИИ ДЛЯ ДЕТЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ ФОРМАМИ ДИЗОНТОГЕНЕЗА

Аннотация. В работе представлены результаты исследования эффективности ненаправленной анималотерапии в отношении 30 детей с различными формами дизонтогенеза. Показано, что в 26% случаев анималотерапия не только не оказала позитивного воздействия на ребенка, но, наоборот, ухудшила его эмоциональное состояние. Поднимается вопрос о выраженном методологическом дефиците, с которым сталкиваются специалисты в области анималотерапии, и предложена теоретико-методологическая модель работы с семьями, которые приобрели домашнего питомца с целью анималотерапии для своего ребенка.

Ключевые слова: психология, ненаправленная анималотерапия, дизонтогенез, семейная атмосфера, эффективность ненаправленной анималотерапии, теоретическая модель межвидового взаимодействия человека с домашними питомцами, Взаимодействие с животным, воздействие животных на ребенка, анималотерапия, эффективность анималотерапии.

Введение

Часто родители заводят домашнего питомца либо по просьбе ребенка, либо с целью повлиять на его поведение. Несомненно, все родители надеются, что общение с домашним животным будет оказывать положительное влияние на ребенка, служить своего рода психотерапией для него. Именно такая психотерапия называется ненаправленной, когда ребенок просто взаимодействует с животным дома, и животное не обучено неким специальным упражнениям для занятий с ребенком. Эффективна ли такая терапия? Как правило, общение с собакой оказывает на ребенка либо позитивный, либо нейтральный эффект (в том случае, если ребенок не просил собаку, и уход за ней пытаются навязать ему родители). Однако это происходит в том случае, если мы говорим о норме (и со стороны ребенка, и со стороны животного). Каков эффект такого взаимодействия, если у ребенка существуют определенные отклонения в развитии?

Во-первых, далеко не все животные способны выполнять функции «психотерапевта». Это зависит и от породных особенностей животного, и от его характерологических особенностей: животное должно быть уравновешенным, не агрессивным, со стабильной психикой. В процессе наших консультаций нам

встречались собаки и кошки, страдающие неврозами в результате длительного и излишне тесного общения с детьми. Ребенок хочет играть с домашним питомцем, тому же необходим некоторый отдых от общения. Навязчивое стремление ребенка к общению может вызвать агрессивную реакцию даже у спокойной и не агрессивной собаки или кошки.

Во-вторых, дети, особенно дошкольного возраста, воспринимают животное как товарища по играм, в некоторой степени «очеловечивая» его, что вообще свойственно детскому возрасту. Здесь необходима серьезная разъяснительная работа специалистов, направленная на объяснение в доступной для детей форме видотипичных механизмов поведения домашнего питомца.

В-третьих, если говорить о различных особенностях дизонтогенеза у детей, то мы должны принимать во внимание и различные поведенческие и психологические характеристики таких детей, и, следовательно, подбирать животных, которые могли бы общаться с ребенком, имеющим именно такие личностные особенности, а не стремиться к тому, чтобы используемое животное было «универсальным» и подходящим ко всем случаям.

Так, например, гиперактивный ребенок будет раздражать пассивное животное и вызывать в нем агрессивные реакции, а ребенка с аутистическими чертами

будет раздражать излишне активный питомец, и он может замкнуться в себе еще больше.

В случаях нарушения опорно-двигательного аппарата (ДЦП) и задержкой психического и речевого развития (ЗПР, ЗППР) во время занятий и игр с собакой у детей мобилизуются двигательные функции, развивается крупная и мелкая моторика, координация движений, снимается физическое напряжение. Например, одно из упражнений, которое незаменимо для ребят с сильно нарушенной моторикой: собака берет в пасть предмет и передает его ребенку. При этом специально обученное животное чувствует, когда предмет надо отдать сразу, а когда его надо удерживать. Малыш прикладывает силы, чтобы вынуть предмет из пасти, развивая, таким образом, свою моторику и силу. И снова потребуется специальное тестирование, направленное на определение того, насколько собака мотивирована к борьбе за статус, т.к. в подобных упражнениях она ни в коем случае не должна проявлять доминантную или соперническую агрессию.

Метод анималотерапии используется и в реабилитации детей, страдающих различными видами нарушений умственного развития. К положительным моментам можно отнести некоторое снятие заторможенности, уменьшение чувства тревоги, адаптацию к реальному пространству и времени, достижению самостоятельности. Специальное тестирование животного необходимо для оценки психического типа, т.к., например, флегматичное животное не будет способствовать снятию заторможенности.

Таким образом, для ребенка наиболее важна не непосредственно терапия с ее упражнениями, а психологический момент, возникающий в процессе общения с животными. Ведь животному все равно, как ты выглядишь и какие у тебя дефекты. По сути, немой разговор с любимым домашним зверем уже можно назвать анималотерапией: взаимодействие с доверительно настроенным питомцем помогает избавиться от стресса, получить положительные эмоции, а как только появляются положительные эмоции, начинает развиваться познавательная активность ребенка.

Вне зависимости от конкретных культурных особенностей и индивидуальных физиологических особенностей ребенка, непременным условием его развития является базовое отношение к миру, позволяющее ребенку ощущать эмоциональный комфорт и уверенность в любом акте его отношений с миром. Анималотерапия играет важную роль в развитии у ребенка базового отношения к миру через эмоциональное благополучие. Однако, само по себе животное, с которым ребенок общается, ещё не является гарантом его эмоционального благополучия.

Личностные особенности ребенка и характерологические особенности животного могут вступать в противоречия друг с другом. Для предотвращения подобных противоречий психолог, консультирующий семью, в которой есть и ребенок, и собака, должен хорошо представлять, насколько совместима та или иная пара «ребенок-животное», давать рекомендации по правильному подбору «рабочей пары» и только при таких условиях будет достигнуто эмоциональное благополучие, которое отразится в положительной оценке ребенком мира и себя в этом мире в конкретных условиях своей жизни.

Материал и описание исследования. Исследование проводилось на базе ГОУ СОШ «Ковчег» в классах коррекционно-развивающего обучения. Было обследовано 30 детей в возрасте от 7 до 12 лет с различными формами дизонтогенеза, из них: 6 детей с олигофренией в стадии дебильности, 3 ребенка с ДЦП, 8 детей с психопатией возбудимого типа, 5 детей с аутизмом и 8 детей с задержкой психического развития (ЗПР). У всех этих детей дома живут собаки. В процессе беседы с детьми и их родителями мы просили ребенка изобразить его семью в виде кружков, обозначающих его и всех членов семьи, включая собаку, на чистом листе формата А4.

Дети с олигофренией (2 мальчика, 4 девочки) и с ЗПР (4 мальчика, 4 девочки).

При разговоре с этими детьми и их родителями мы обращали внимание на то, как каждый из собеседников относится друг к другу. И пришли к выводу, что собака в каждом из этих случаев играет положительную роль и оказывает на ребенка позитивный эффект только в тех семьях, где преобладает общий благоприятный фон отношений и выраженная поддержка друг друга членами семьи. В таких семьях собака хорошо вписывается в семейную структуру и занимает там свое место. Именно в этих случаях можно говорить о позитивном эффекте ненаправленной анималотерапии.

В качестве примеров приведем 2 рисунка.

На рисунке видно, что все и родители, и брат, а так же обе собаки включены в состав семьи. ОЛ занимает центральное место. Все члены семьи «вращаются» вокруг девочки и она это чувствует (см. рис. 1 на стр. 89).

В семье очень гармоничные отношения. Эти отношения распространяются на всю семью, на каждого ее представителя, в том числе и на собаку. В такой благоприятной среде всем очень хорошо и комфортно.

Наверное, собаке тяжело в этой семье от постоянных «мучений» со стороны ОЛ — девочка не отхо-

Рис. № 1. Рисунок семьи ОЛ

ОЛ 12 лет, олигофрения

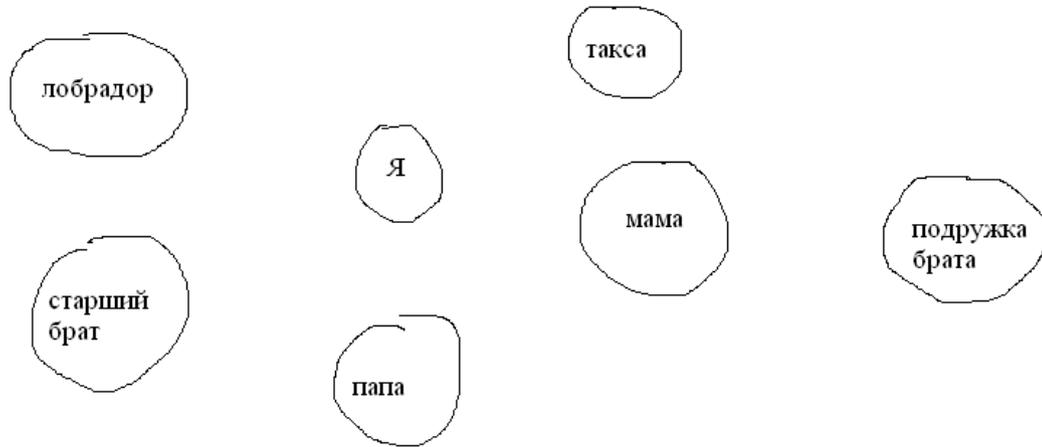

Рис. № 2. Рисунок семьи МН, 10 лет, ЗПР

дит от животного. Однако, такие факты, как общий благоприятный фон семьи, отношение окружающих к ОЛ, а также, по словам родителей, восприятие лабрадором ОЛ в качестве щенка, скорее всего, гармонизируют обстановку и не дают развиваться агрессии или невротическим проявлениям в характере собаки. В данной ситуации не страдает ни одна из сторон. Лабрадор чувствует себя спокойно и, следовательно, выполняет свои терапевтические функции для ребенка: психофизиологическую, психотерапевтическую, реабилитационную, функцию самореализации и функцию общения, т.е. анималотерапия несет в себе положительный терапевтический эффект для ОЛ и ее родственников.

Приведем другой пример успешной ненаправленной анималотерапии у ребенка с ЗПР.

На рисунке видно, что к собаке относятся как к самому младшему члену семьи. Все заботятся об Улле (так зовут собаку). Это еще один пример того, как отношение друг к другу и к собаке формирует характер каждого из членов семьи и оказывает терапевтический эффект (см. на рис. 2).

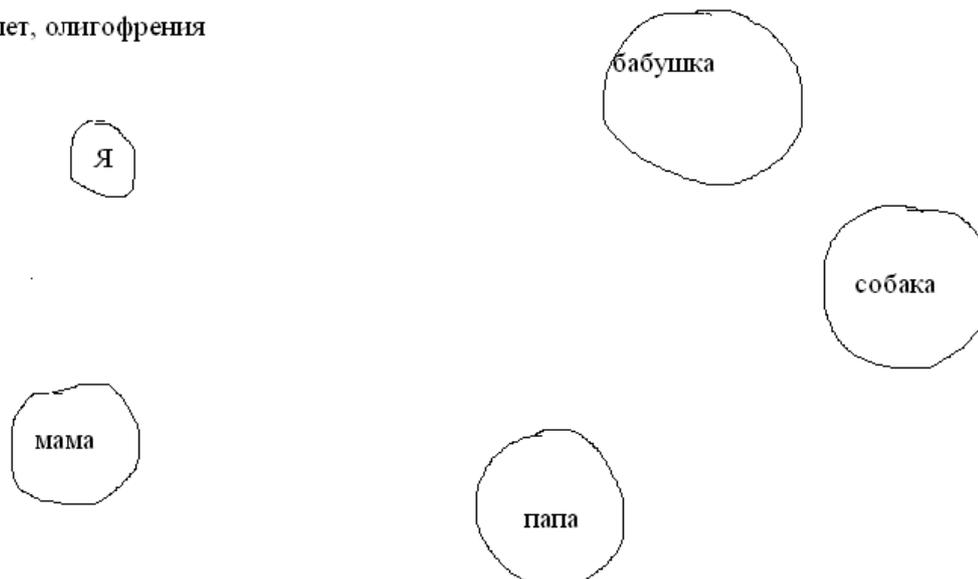
А вот 2 других примера, где семейный фон неблагоприятный, болезнь ребенка ожесточила и разединила родителей, животное было заведено в качестве

«инструмента» для лечения, не вписалось в семейную структуру, и, пытаясь занять в ней свое место, реагирует на ребенка агрессивно, что, естественно, приводит к ухудшению эмоционального состояния ребенка.

На рисунке видно, что семья состоит из разрозненных элементов, части которой находятся далеко друг от друга. В семье негармоничные отношения, которые не помогают НТ адаптироваться в обществе и научиться с ним взаимодействовать, а наоборот, усугубляют трудности этого взаимодействия. В данной семейной ситуации собака не только не помогает, а наоборот, усугубляет проблему (см. рис. 3 на стр. 90).

Здесь надо отметить, что и собака (кане-корсо, кобель) обладает явным стремлением к доминированию, и, не понимая своего места в семейной иерархии, пытается занять как можно более высокий иерархический статус (что является видотипичным поведением для псовых). Поскольку в семье постоянно напряженная атмосфера, и часто имеют место агрессивные высказывания членов семьи в адрес друг друга, то и собака часто проявляет агрессию, в том числе по отношению к ребенку. В результате НТ боится собаку и находит выход своему страху, неуверенности и злости через девиантное поведение. В этом случае собака не только не выполняет терапев-

НТ 11 лет, олигофрения

тические функции, но еще и усугубляет проблему НТ (страх, неуверенность, одиночество).

В данном случае можно говорить о том, что анималотерапия не несет в себе положительный терапевтический эффект.

На рисунке видно, что семья состоит из разрозненных элементов. Собаки на рисунке нет (см. рис. 4 на стр. 91).

В семье не очень теплые и дружеские отношения. Эти отношения усугубляют состояние СД и поведение собаки. Судя по всему, собака боится отца СД и признает его за вожака, воспринимает себя на равных с хозяйкой и ставит себя выше ребенка. Непростроенные отношения между членами семьи, отсутствие четкой семейной иерархии и взаимной поддержки приводят к тому, что собака отчаянно пытается уяснить для себя свой статус в семье. Владельцы никак этому не способствуют, что невротизирует собаку, в подобном состоянии терапевтического эффекта собака не несет. Держа в страхе СД, собака не дает ему возможности почувствовать уверенность в себе, что приводит к тому, что ребенок не может адекватно проработать накопленную агрессию, т.е. собака не только не выполняет терапевтические функции, но еще и усугубляет проблему СД (неуверенность, одиночество). Следовательно, анималотерапия в данном случае оказывает отрицательный эффект.

На этих четырех примерах мы показали, что при одних и тех же расстройствах, но в условиях разного семейного окружения отношения между ребенком с

психическими проблемами и домашним питомцем развиваются по-разному. В первых двух случаях можно говорить, что собака оказывает положительный терапевтический эффект на ребенка, в двух последних случаях этот эффект оказывается отрицательным, более того собака наносит ребенку вред, поскольку он начинает ее бояться. Т.е. даже в собственном доме ребенок не чувствует себя в безопасности.

В целом, надо отметить, что положительный эффект анималотерапии мы наблюдали в 5 случаях у детей с олигофренией и в 6 случаях у детей с ЗПР. И всякий раз речь шла о благоприятном либо неблагоприятном семейном фоне, на котором происходит взаимодействие ребенка и собаки.

Аутизм¹

Было обследовано 5 детей (4 мальчика и 1 девочка).

Все дети периодически демонстрируют немотивированные вспышки агрессии. Их родители описывают такие приступы ярости следующим образом: в такие моменты ребенок очень злой, не реагирует ни

¹ Существует множество литературы, посвященной аутизму, но в контексте данной работы хотелось бы отметить работы Темпл Грандин, которая сама страдает аутизмом, но стала успешным бизнесменом и проектировщиком животноводческих комплексов. Темпл находит сходство между ощущениями животных и аутичных людей. «Люди облачают свои мысли в слова, – говорит она, – но путем таких размышлений животных ни за что не понять» (см. Temple Grandin “Behaviour of Slaughter Plant and Auction Employees Toward Animals”// Anthrozoos 1, no.4:205-13, 1988).

СД 10 лет, ЗПР

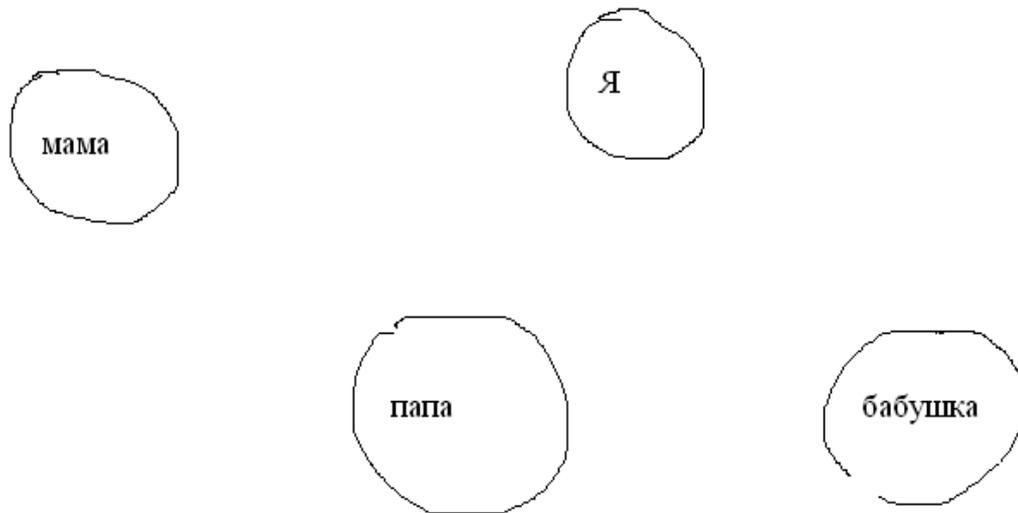
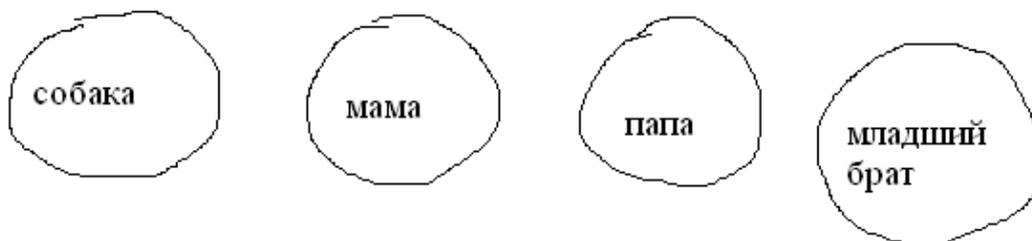

Рис. № 5. Рисунок семьи АТ

АТ 8 лет, РДА

на какую речь, совершает стереотипные движения, кричит и кусается. Наступление таких приступов чувствуют все собаки в опрошенных семьях. Независимо от размера, пола и возраста, за 3-5 часов до приступа собаки начинают выть, крутиться, некоторые начинают кусать себя за хвост, бегать по квартире либо пытаются прятаться.

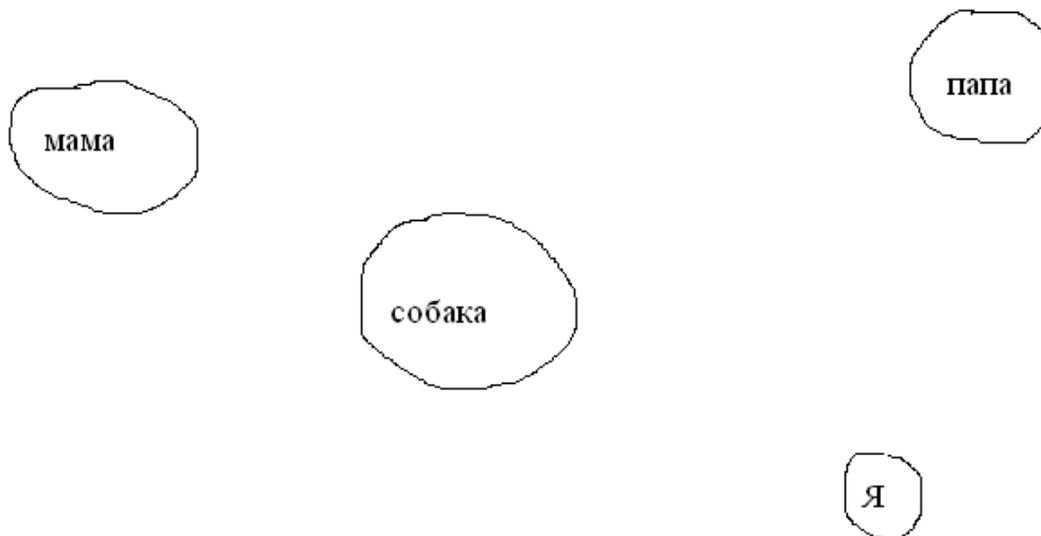
Вот как родители этих детей описывают отношения между их ребенком и собакой: «АТ не проявляет никакой инициативы в отношении собаки, не пытается кормить ее, играть или гулять с ней», «СИ совсем не обращает внимания на собаку», «АН не замечает собаку, как будто собака просто предмет мебели», «СБ не

реагирует на собаку, такое впечатление, что он даже не понимает, что в доме живет животное», «ИК и собака просто сосуществуют в нашей квартире».

Интересно отметить, что и собаки не реагируют на этих детей, не пытаются инициировать контакт с ними, даже, если сильно голодны, не пытаются просить еды у ребенка, и не ожидают со стороны ребенка никакой реакции. Несмотря на этом 3 мальчика из пяти обследованных детей в своих рисунках семьи нарисовали собаку, однако не нарисовали себя.

Один мальчик не нарисовал ни себя, ни собаку, наконец, одна девочка нарисовала как себя, так и собаку (см. рис. 5).

СИ 11 лет, РДА

Полученные нами данные говорят о том, что собаки могут выступать в качестве диагностов, заранее предупреждая родителей о наступлении у ребенка приступа. Это помогает родителям вовремя принять необходимые меры предосторожности.

Но можно ли в данном случае говорить о положительном эффекте анималотерапии? Фактически, этот эффект сведен к предупреждению родителей о наступлении приступа. Тем не менее, присутствие собаки на 4 рисунках из 5 предполагает (см. выше), что ребенок включает собаку в свой внутренний мир, даже если это никак не проявляется в его поведении.

Наконец, необходимо отметить, что все собаки реагируют на грядущий приступ ярости у ребенка, что проявляется в явных реакциях страха и возбуждения. К счастью, ни в одном из исследованных нами случаев ребенок ни разу не был укушен (хотя в одной из этих семей живет ротвейлер), тем не менее, мы рекомендовали в таких случаях разделять собаку и ребенка по разным комнатам.

Психопатия возбудимого типа

Нами было обследовано 8 мальчиков с этим диагнозом. Во время интервью с детьми и их родителями, все родители жаловались на аффективные вспышки с агрессией, упрямством и негативизмом. Аффективные разряды такого рода, как правило, имеют астенический исход с расслабленностью, вялостью, слезами. Эмоциональный фон всех обследованных детей нестабильный. Часто аффективные негативные раз-

ряды сопровождаются импульсивными выплесками, проявляющимися в виде неожиданных и сильных выкриках, вскакиваниях и бросании предметов, а затем сменяются эйфорическим фоном настроения, «благодарушим». Аффективные реакции не соответствуют силе средовых воздействий. Дети раздражительны, неспособны к отсрочке желаний и имеют потребность в постоянной смене впечатлений

Родители так описывают отношения своих детей с собаками: «Я постоянно слежу, чтобы ИК не навредил собаке, особенно когда у ИК очередной приступ агрессии. Собака чувствует настроение ИК, когда он грустит, то собака не лезет к нему, но находится неподалеку»; «Когда собака была щенком, она все время пыталась установить контакт с ЛФ, но ЛФ ее отталкивал. Сейчас ЛФ вроде бы стал принимать собаку, и они проводят время друг с другом. Но собака научилась чувствовать эти приступы агрессии у ЛФ и заранее уходит на свою подстилку, где точно знает, что его никто не тронет»; «Когда СМ в хорошем настроении, он ухаживает за собакой: кормит ее, гуляет с ней, играет. Но иногда СМ слишком сильно толкает или стискивает собаку, может взять на руки и отбросить от себя. Собака в таких случаях пытается убежать, рычит на СМ, может даже слегка прикусить, если СМ продолжает эти «бешеные» игры»; «ВП очень обрадовался, когда мы завели щенка, и сразу стал принимать участие в уходе за ним. Он придумал ему кличку, устроил лежанку, выбрал миску, из которой щенок будет есть. Но ВП выражает свои эмоции

ИК 10 лет психопатия

очень экспрессивно, он постоянно брал щенка на руки, перетаскивал с места на место. Щенок начинал скулить, потом рычать, а когда подрос — укусил ВП. ВП расплакался, а папа еще и раздул обиду ребенка, заявив: «Так тебе и надо, не будешь лезть к нему. Ты когда ко мне лезешь, мне тоже тебя укусить хочется»; «АР старается ухаживать за собакой — кормит его, гуляет с ним, но собака явно демонстрирует, что не хочет общения с АР. А поскольку собака большая (ротвейлер), АР не рискует к нему приставать. Приступы агрессии у АР раздражают собаку, он может прикусить ребенку руку, когда тот кричит на маму или бабушку. Поэтому АР его боится»; «К сожалению ДН не может играть с собакой нормально, он устраивает «бешеные» игры, собака старается убежать, рычит на него. Тогда ДН начинает злиться и мучить собаку. Мне собаку очень жалко, но если сделать ДН замечание, его агрессия переходит на меня».

На рисунке видно, что собака включена в состав семьи, так же как и рыбки, и рыбки даже ближе ИК, чем пес. Опираясь на рисунок и рассказ мамы о взаимодействии ИК с таксой, можно сделать вывод, что собака особого значения для ИК не имеет.

В данном случае социальная среда достаточно гармоничная. Собака, хоть и не несет важной роли в уравнивании темперамента ИК, но все же вносит свой вклад в социализацию мальчика, благодаря тому, что семья следит за тем, чтобы ребенок не навредил собаке.

А вот совершенно иной рисунок (см. рис. 8 на стр. 94).

На рисунке видно, что собака не включена в состав семьи. Мальчик чувствует себя одиноким. Опираясь на рисунок и рассказ мамы о взаимодействии ВП с собакой, можно сделать вывод, что в данной ситуации

собака (уиппет) не доверяет мальчику, и воспринимает его поведение как угрожающее и непредсказуемое. Собака была куплена для ребенка, и родители решили «не вмешиваться в их отношения», в результате собака стала обузой для семьи, и ее присутствие в доме не способствует улучшению состояния ребенка.

К сожалению, анималотерапия демонстрирует позитивное влияние только в 4 случаях из восьми рассмотренных.

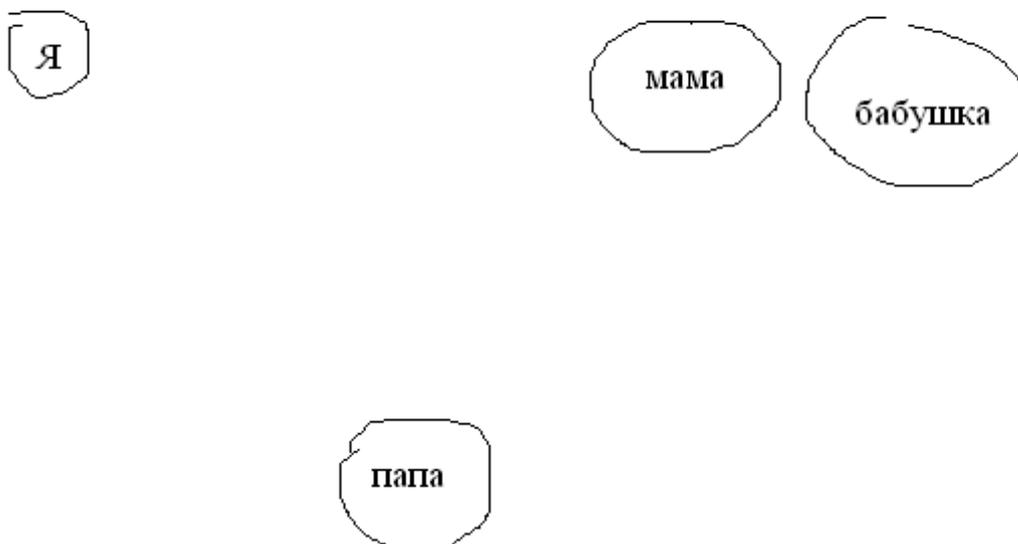
Следует также заметить, что собаки, которые живут в семье с детьми, страдающими психопатией возбудимого типа, страдают от поведения этих детей, поскольку либо боятся их, либо эти дети их раздражают, и собаки ведут себя агрессивно. В результате и ребенок либо боится собаку, либо, наоборот, проявляет агрессию по отношению к животному, демонстрируя свою власть над ним. Такое взаимодействие, очевидно, не приводит к терапевтическому эффекту.

ДЦП

Нами было обследовано 3 ребенка (1 мальчик и 2 девочки).

В каждом случае родители покупали собаку специально для ребенка, поскольку услышали про эффективность анималотерапии для детей с ДЦП. Более того, в форумах они прочли, что эффект от анималотерапии будет максимальным, если завести большую и лохматую собаку, такая собака будет способствовать расслаблению мышц ребенка. Если ребенок просто будет лежать рядом с такой собакой, это будет его успокаивать и расслаблять. Поэтому во всех случаях родители искали большую и лохматую собаку. В результате были приобретены бобтейл, сенбернар и бернский зенхунд.

ВП 8 лет, психопатия

Надо отметить, что поначалу все три семьи искали инструмент или средство для лечения ребенка, но спустя некоторое время, две семьи, посмотрев различных щенков, стали говорить, что ищут нового члена семьи.

Все дети любят собак, заботятся о них, когда родители выводят собак гулять, ребенка берут с собой. Более того, дети пытаются дрессировать собак. Однако попытка дрессировки не имеют большого успеха, т.к. дети не могут настоять на своем. А собаки не реагируют на их команды. При этом все собаки с удовольствием играют с детьми, хотя сенбернару надоедает играть первому, поэтому в разгар игры он может уйти на свое место. Бобтейл и бернский зееенхунд более активны в играх, и в этих случаях первыми устают дети. Собаки знают команду «устал», и либо ложатся рядом с ребенком, либо уходят на место. Все собаки готовы лежать рядом с ребенком столько, сколько он хочет. Две собаки спокойно реагируют, если ребенок случайно наезжает на них своей коляской, бобтейл поначалу рычал на ребенка в такой ситуации, но девочка всегда извинялась перед собакой. Сейчас собака спокойно реагирует на подобные коллизии.

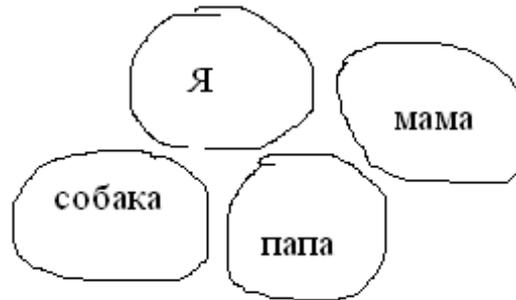
Вот, что говорят дети о своих собаках: «Граф — мой лучший друг. Здорово, что он у меня есть»; «Том толкает мою коляску как мой друг Димка, только Димка толкает не носом. Тому 4 года, и я слышал, что сенбернары живут не слушком долго. Я хочу, чтобы Том жил

долго, как человек, лет 70-80»; «Дора понимает меня лучше всех. Она сочувствует мне, когда я плачу, слезы слизывает. Я могу рассказывать ей о своих мечтах, и мне кажется, что она меня понимает, потому что иногда она так тяжело вздыхает, как будто знает, что многие мои мечты никогда не сбудутся».

Во всех этих случаях анималотерапия приносит выраженный положительный эффект. Вспомним, что две семьи, в конце концов, стали искать для себя нового члена семьи, а одна семья (владельцы бобтейла) завели «инструмент» для лечения ребенка. Но сейчас мама говорит: «Мы следим за АЛ все вместе, включая собаку. Трудности нас сплотили и сейчас мы (я, муж, АЛ, Граф) — хорошая команда, каждый член которой испытывает привязанность к другому, понимает и поддерживает другого. Несмотря на то, что поначалу я очень не хотела собаку, и завела ее только ради дочери, сейчас я влюбилась в этого пса».

На рисунке видно (см. рис. 9), что собака включена в состав семьи, она занимает важное место, как мама и папа, все члены семьи тесно связаны друг с другом. Гармоничные отношения распространяются на всех членной семьи без исключения, в том числе и на собаку. Немаловажную роль сыграл тот факт, что мама смогла принять собаку. Такая благоприятная среда, конечно же, способствует терапевтическому эффекту для АЛ, и это происходит «не за счет и не в ущерб собаке» (слова мамы), а так же и для родителей, которых «общее горе объединило, а не развело».

АЛ 8 лет, ДЦП

В данном случае можно говорить о том, что ненаправленная анималотерапия несет в себе положительный терапевтический эффект для АЛ и его семьи.

Выводы

Мы рассмотрели наиболее типичные примеры взаимодействия ребенка с отклонениями в развитии и собаки в структуре семьи. Эти 30 примеров показывают, что далеко не в каждом случае собака, появившись в доме ради ребенка, оказывает на него позитивный терапевтический эффект.

В 8 случаях, что составляет приблизительно 26% от 30 (1 ребенок из 6 с олигофренией, 4 ребенка из 8 с психопатией, 2 ребенка из восьми с ЗПР и 1 ребенок из 5 с аутизмом) присутствие собаки в доме негативно отражается на семейной динамике и не ведет к позитивному терапевтическому эффекту. Важно отметить, что в каждом из этих случаев в семьях дисгармоничные отношения, которые сложились еще до приобретения собаки. Во всех восьми случаях поведение собаки также нельзя считать нормальным.

В 18 случаях (приблизительно 60%), семейные отношения изначально были гармоничными, собака успешно встраивалась в структуру семьи, у ребенка устанавливались с собакой дружеские отношения, что вело к позитивному результату.

Наконец, в случаях 4 из 5 детей, страдающих аутизмом, собака успешно встроилась в семью и оказывает позитивное влияние на динамику семьи, предупреждая родителей о надвигающемся приступе агрессии у ребенка. Однако. Положительный эффект, который собака оказывает на ребенка, минимален, ребенок индифферентен по отношению к животному. В то же время приступы ярости у детей плохо

влияют на собак, все собаки боятся этих приступов, в одном случае страх собаки настолько силен, что она проявляет явно выраженный невроз с моторными стереотипиями.

Можем ли мы говорить о том, что анималотерапия является хорошим терапевтическим методом? Это зависит от трех аспектов, которые специалист должен принимать во внимание, работая с семьями, где есть дети с отклонениями в развитии:

1. общая семейная атмосфера,
2. совместимость индивидуальных характеристик ребенка и особенностей его поведения, вызванных заболеванием с индивидуальными характеристиками животного,
3. возможные аномалии в поведении животного.

Но тогда такой специалист должен быть экспертом в области семейной психотерапии, медицинской психологии, и поведенческой медицины домашних животных. Возможно ли это?

Как следствие, специалисты в области анималотерапии часто жалуются на выраженный дефицит ясных научных и методологических данных, которые помогли бы определить наиболее подходящие рекомендации и процедуры анималотерапии².

Прежде всего, необходимо помнить, что мир больного ребенка и мир домашнего питомца сужены до пределов семьи, которая, соответственно, играет огромную роль в их существовании. В связи с этим, для нас важно обсудить методологический аппарат современной психологии и на его основе попытаться предложить возможную теоретическую модель, кото-

² См, напр.: Grandgeorge M., Hausberger M. Annali Dell'Istituto Superiore di Sanita. 2011. 47(4). С. 397-408; и многие др.

рую специалисты в области анималотерапии могли бы использовать в своей работе.

Мейнстримом современной психологии считается онтологический подход к исследованию психики, который включает системный и структурный подходы, многовариантный эволюционизм и телеологизм. Гносеологической основой такого подхода является контекстуальность научного знания, его гуманистическая и экологическая ценность. В методологическом отношении онтологическая парадигма все больше склоняется к переходу от количественных методов к качественным³.

В.А. Барабанщиков⁴ и В.И. Панов⁵, являясь сторонниками онтологической парадигмы в психологии, утверждают, что необходимо рассматривать единство индивида и среды, когда мир одновременно включает в себя индивида и противостоит ему. В процессе восприятия субъект конструирует свою жизнедеятельность, в результате чего объект восприятия (мир) оказывается и системой детерминант, и результатом активности субъекта. Любой психический акт представляет собой акт конкретного субъекта жизни и включен в общий контекст его развития. Мир включает в себя субъекта и одновременно противостоит ему. Одна его сторона — условия жизни, другая — их отражение субъектом, включенным в ситуацию. Без анализа мира (его составляющих, структуры, норм и правил, которым он подчиняется, динамики и т.п.) невозможно охарактеризовать субъекта и формы его активности⁶.

Но тогда мотивация человеческого поведения (и, вероятно, поведения высших позвоночных, в жизни которых огромную роль играет индивидуальный опыт) — это субъективная детерминация поведения человека или высокоразвитого животного миром. Только через такую мотивацию индивид оказывается включенным в контекст действительности.

Поэтому сегодня в психологии все чаще говорят о «понимающем методе». Понимание и переживание, согласно Дильтею, взаимозависимы. Понимание становится жизненным опытом, понятие переживание

выводится из субъективности в область целостного и общего. А наше собственное переживание через пережитое понимание чужой жизни содержательно расширяется и обогащается⁷. Но является ли такое понимание научным? Согласно Дильтею, элементарное понимание происходит непосредственно, это понятие выражение переживания. В процессе взаимодействия каждый хочет понимать, чего хочет другой. Другим признаком элементарного понимания Дильтей считает конкретные взгляды, жесты, поведение, которые понимаются как выражение внутренних и чувственных переживаний. Это оказывается верным не только в отношении человеческого социума, но и в отношении животных (см., напр., Gardenfors, 2003), и в отношении взаимодействия человека и животного⁸.

Любую реальность живого существа образуют жизненные миры, смыслы окружающих его объектов и ситуаций, его цели в данном ситуативном контексте. Все это сложно описать при помощи набора количественных показателей, здесь требуется качественная характеристика содержаний (Д.А. Леонтьев, 2007). Безусловно, данные и результаты качественных исследований трудно воспроизводятся, поэтому остается под вопросом возможность получения универсальных научных заключений. Но в постнеклассической стадии развития науки вопрос об истине и значимости познания, как упоминалось выше, встает в контексте «коммуникативной рациональности»⁹ и переносится в плоскость языка и коммуникации.

Используя этот методологический базис, мы выдвигаем теоретическую модель межвидового взаимодействия человека и домашнего животного, предлагающую возможную методологию исследования в области ненаправленной анималотерапии.

1. Человек, приобретающий животное, образует с ним межвидовую группу, которую мы определяем как: межвидовая группа — это человек и животное, объединенные совместной жизнедеятельностью и территорией, имеющие межвидовые контакты друг с другом, эмоциональные взаимоотношения и специфические правила поведения в отношении друг друга.
2. Необходимое условие образования межвидовой группы — потребность обоих участников (че-

³ Лебедев С.А. Современная философия науки. М.: Воронеж: МПСИ, МОДЭК, 2010. 384 с.

⁴ Барабанщиков В.А. Методы психологического познания: системный взгляд // Труды ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль, 2005. С. 14-23.

⁵ Панов В.И. Экологическая психология. М.: Наука, 2004. 196 с.

⁶ Барабанщиков В.А. Методы психологического познания: системный взгляд // Труды ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль, 2005. С. 14-23.

⁷ Дильтей В. Описательная психология. СПб: Алетейя, 1996. 160 с.

⁸ Никольская А.В. Зоопсихология и межвидовая психология. М.: Эксмо, 2010. 354 с.

⁹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.

ловека и животного) в подобных отношениях. Возникновение такой потребности у домашних животных обусловлено тем, что человек создал им среду, отличную от естественной среды их диких сородичей, что заставляет домашнее животное искать контакта с человеком в силу необходимости выживания.

У человека эта потребность является более дифференцированной и может лежать как в плоскости удовлетворения потребности в единении с природой, так и в плоскости личностной или средовой дефицитности. В случаях, когда животное приобретает для ребенка с отклонениями в развитии, можно говорить о средовой дефицитности, когда родители стараются найти средство для улучшения состояния ребенка.

3. Таким образом, животное может восприниматься владельцем как: (а) объект (в случае анималотерапии — как инструмент для лечения ребенка), (б) как другой человек (когда животное очеловечивается владельцем и владелец ожидает от нет исполнения функций человеческого ребенка, друга, партнера и т.д.), (в) как живое существо иного биологического вида, со своими потребностями, эмоциями, индивидуальными и видотипичными особенностями и пр. В зависимости от того, как человек воспринимает животное, он выстраивает взаимоотношения с ним. Следовательно, мы приходим к трем типам межвидового взаимодействия: 1) субъект (человек) — объект (животное); 2) субъект (человек) — субъект (животное, воспринимаемое как другой человек); 3) субъект (человек) — субъект (животное, как представитель иного биологического вида, обладающий своими потребностями, намерениями, эмоциями и пр.).
4. В процессе межвидового взаимодействия «человек — домашнее животное» образуются различные психологические феномены, такие как: доверие, привязанность, формирование норм и правил поведения относительно друг друга, система коммуникации, позиции доминирования/подчинения.
5. Доверие или недоверие человека к домашнему животному — это психическое образование человека, выражающее его отношение к животному, в зависимости от обладания этим животным качествами безопасности, предсказуемости и степени, в которой оно оправдывает ожидания от приобретения. Доверие является группообразующим феноменом и возникает при любом типе взаимодействия в межвидовой группе.
6. Чаще всего любовь человека к домашнему животному (при взаимодействии типа 2) основывается на созданном симбиотическом союзе, где каждая из сторон не может обходиться без другой (животное в силу своей беспомощности без человека, человек — в силу наличия дефицитарной потребности, которую пытается возместить за счет животного). При этом возможна иная форма любви человека к животному, включающая такие элементы как забота, знание животного, уважение к его потребностям, вера в его возможности, когда любовь выступает как утверждение бытия другого и развивает любящего (взаимодействие типа 3).
Чтобы вызвать чувство любви у животного, человек должен проявлять заботу о нем. Но забота, которая не дает животному возможности взрасти, не дает и ответной зрелой привязанности животного к нам. Чтобы добиться зрелого ответного отношения, человек должен способствовать тому, чтобы мир животного максимально дифференцировался в своих объектах и свойствах. Т.е. наличие у человека зрелой любви к животному способствует развитию животного, что говорит о взаимодействии 3-го типа.
7. Достаточное условие существования межвидовой группы — способность ее членов к формированию и принятию норм взаимодействия. Эти нормы в каждой межвидовой группе могут быть разными (например, хозяин может разрешать животному спать на постели или не разрешать этого, или животное может позволять хозяину терзать себя во время сна, или проявлять агрессию в ответ на такие действия владельца). Главное, чтобы эти нормы поведения взаимно соблюдались.
8. В процессе межвидовой коммуникации возникает определенная неслучайная последовательность действий партнеров, основанная на том, что в ответ на любое свое действие участник коммуникации ожидает ответного действия партнера. Выбор действий определяется ситуативным контекстом, историей отношений и установленными правилами взаимодействия.
Чтобы такая коммуникация возникла, животное должно: 1. обладать потребностью к такой коммуникации; 2. находиться в максимально обогащенной среде так, чтобы разумное использование средств коммуникации демонстрировало ему, что с их помощью можно многое получить.
9. Тогда методы, наиболее релевантные исследованию межвидовых групп и коррекции нарушений

психологических феноменов в этих группах, будут следующими:

- метод наблюдения, позволяющий оценивать невербальные сигналы, подаваемые человеком и животным друг другу в процессе взаимодействия, их способность понимать и учитывать в поведении потребности друг друга, что дает возможность делать определенные выводы о процессе порождения межвидовых внутригрупповых психических феноменов;
- метод беседы, направленной на выявление истории межвидовой группы и наличествующих в ней проблем, что дает возможность определить тип нарушений в каждой конкретной группе. По завершении этого этапа консультант должен выдвинуть 2-3 гипотезы диагностических гипотез относительно механизмов нарушения в межвидовой семейной группе.
- метод построения обоснованной теории¹⁰, который позволяет в каждом случае классифицировать нарушение того или иного межвидового феномена в межвидовой группе;
- метод функциональной пробы, который применяется в случае, если в процессе исследования консультант должен подтвердить или опровергнуть какую-либо из выдвинутых гипотез, что зачастую бывает невозможно проделать в рамках офиса. Поведение и взаимодействие участников межвидовой группы вне офиса дают консультанту дополнительную информацию, способствующую подтверждению или опровержению выдвинутой гипотезы;
- наконец, коррекция нарушения с целью восстановления устойчивости группы является для нас

экспериментальным методом, т.к. определенное воздействие исследователя на группу (внешнее воздействие на систему) приводит к тем или иным изменениям в ней и, следовательно, позволяет делать выводы о ее устойчивости и типах взаимодействия.

10. В качестве основы диагностики берется следующая классификация: (а) нарушения со стороны животного, (б) нарушения со стороны человека. В первом случае исследуется психическое состояние и адаптивные поведенческие паттерны животного. Основной информацией для консультанта в этом случае служит наблюдение за животным, а также, информация, получаемая от владельца относительно раннего периода жизни животного, наличия травм и хронических заболеваний, взаимодействия животного со всеми членами семьи и пр.

В случае нарушений со стороны человека, консультант должен сформировать гипотезу о том, какие желания и страхи в межличностных отношениях клиент направляет на отношения с животным. Если такая гипотеза принята клиентом, формулируются цели и дальнейшая работа консультанта в области психологической помощи владельцу животного. Кроме того, владельцам разъясняется суть проблемы, объясняются механизмы видотипичного поведения их питомца, предлагаются варианты изменения поведения человека в отношении животного, что, в идеале, ведет к оптимизации взаимодействия и, следовательно, улучшает семейную атмосферу, и, в свою очередь, способствует улучшению эмоционального состояния ребенка.

Список литературы:

1. Барабанщиков В.А. Методы психологического познания: системный взгляд // Труды ярославского методологического семинара. Т. 3. Метод психологии. Ярославль, 2005. С. 14-23.
2. Гуссерль Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Лабиринт, 1998. 110 с.
3. Дильтей В. Описательная психология. СПб: Алетейя, 1996. 160 с.
4. Лебедев С.А. Современная философия науки. М.: Воронеж: МПСИ, МОДЭК, 2010. 384 с.
5. Никольская А.В. Зоопсихология и межвидовая психология. М.: Эксмо, 2010. 354 с.
6. Панов В.И. Экологическая психология. М.: Наука, 2004. 196 с.
7. Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. М.: КомКнига, 2007. 256 с.
8. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
9. Gardenfors P. Slicing the Theory of Mind // www.lucs.lu.se/people/Peter.Gardenfors/articles/slicingTOM.html. 2003.
10. Grandgeorge M., Hausberger M. *Annali Dell'Istituto Superiore di Sanita*. 2011. 47(4). P. 397-408.

¹⁰ Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. М.: КомКнига, 2007. 256 с.

11. Grandin T. Behaviour of Slaughter Plant and Auction Employees Toward Animals // Anthrozoos 1, no.4:205-13, 1988.

References (transliteration):

1. Barabanshchikov V.A. Metody psikhologicheskogo poznaniya: sistemnyy vzglyad // Trudy yaroslavskogo metodologicheskogo seminar. T. 3. Metod psikhologii. Yaroslavl', 2005. S. 14-23.
2. Gusserl' E. Idei chistoy fenomenologii i fenomenologicheskoy filosofii. M.: Labirint, 1998. 110 s.
3. Dil'tey V. Opisatel'naya psikhologiya. SPb: Aleteyya, 1996. 160 s.
4. Lebedev S.A. Sovremennaya filosofiya nauki. M.: Voronezh: MPSI, MODEK, 2010. 384 s.
5. Nikol'skaya A.V. Zoopsikhologiya i mezhvidovaya psikhologiya. M.: Eksmo, 2010. 354 s.
6. Panov V.I. Ekologicheskaya psikhologiya. M.: Nauka, 2004. 196 s.
7. Strauss A., Korbin Dzh. Osnovy kachestvennogo issledovaniya: Obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki. M.: KomKniga, 2007. 256 s.
8. Khabermas Yu. Filosofskiy diskurs o moderne. M.: Ves' mir, 2003. 416 s.
9. Gardenfors P. Slicing the Theory of Mind // www.lucs.lu.se/people/Peter.Gardenfors/articles/slicingTOM.html. 2003.
10. Grandgeorge M., Hausberger M. Annali Dell'Istituto Superiore di Sanita. 2011. 47(4). P. 397-408.
11. Grandin T. Behaviour of Slaughter Plant and Auction Employees Toward Animals // Anthrozoos 1, no.4:205-13, 1988.